

Познание через провокацию

Полный текст предисловия к напечатанному в двенадцатом, юбилейном, номере «Вокруг света» эссе одного из крупнейших современных французских философов, Бруно Латура.

Не пугайтесь парадоксальности его суждений. У философов свой язык, но это не означает, что они за своей заумью прячут пустоту — все, что говорит Латур, касается всех и каждого.

Латур прославился прежде всего исследованиями современных естественных наук. В своей первой книге «Лабораторная жизнь», написанной вместе с будущим оксфордским профессором Стивом Вулгаром в 1979 году, он показал: для того чтобы понять, что происходит в науке, не надо слушать философов, а надо поселиться в лаборатории. Надо заняться антропологией не отдаленной Новой Гвинеи, как когда-то Миклухо-Маклай, а своего собственного общества, и особенно — исследованием фундаментальных механизмов, порождающих нашу веру в реальность происходящего вокруг.

Задачей Латура было забыть все то, что ученые нам наговорили про науку, и посмотреть на то, что они действительно делают во время экспериментов, как если бы мы смотрели на незнакомое нам племя: вижу, но не знаю, что происходит, а просто записываю, что вижу. В результате получилось новое описание своеобразных пассов и ритуалов, как и в случае с другими племенами. И стало ясно: эти ритуалы приводят ученых к тому же, к чему приводили ритуалы и новогвинейцев — к устойчивой вере в некоторую реальность. Конечно, эта реальность отличается от мира тотемического рода, но она руководит нашей жизнью так же автоматически, как тотем руководит заморскими племенами. Например, большинство людей никогда не видели микробов и вирусов, разве что на картинках школьных учебников или научно-популярных журналов, но в переполненном вагоне метро они отодвигаются от натужно кашляющего человека — настолько сильна их вера в существование микробов.

За долгие годы работы Латур показал, как работают биология и физика, экология и почвоведение, потом перешел к анализу производства знания в науках, не относящихся к естественным. Например, он занимался антропологией еще одного «племени» — работников Госсовета Франции, и получившаяся книга («Фабрика права», 2004) так впечатлила объекты исследования, что они предложили ему пост замдиректора по науке в элитной школе Франции — Институте политических наук (Sciences Po) в Париже, где он сейчас и работает. Предложения вроде того, что к парламенту людей надо добавить еще и «парламент вещей», ставят работы Латура в центр самых широких дискуссий, выплескивающих иногда и на страницы газет типа Le Monde. Но помещенная здесь статья — не про это. Она о том, почему привычный для нас мир, представление о котором породила научная революция Нового времени, разрушается прямо на глазах. Этот мир, казалось, состоял из повинующейся естественным законам и потому предсказуемо функционирующей Природы и из свободно действующих людей, которые, в принципе, могут менять свои институты, политику, даже привычки и культурные традиции. Так вот этого обычного противопоставления «детерминизм природы — свобода общества» больше не существует. Об этом Латур написал в переведенной на русский язык книге «Нового времени не было» (Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006), об этом в более доходчивой форме он сообщает и в последнем своем бестселлере *Cogitamus* (что на латыни значит «мыслим», в отличие от декартовского *cogito*, «мыслю»). Написанная им для «Вокруг света» статья — философская выжимка из этой последней книги.

Изменения в статусе науки и научного знания связаны с резким ростом ситуаций гибридного, не до конца определенного характера. Когда мы имеем дело с главными на повестке дня технополитическими спорами, неясно, чего здесь больше — предсказуемых технологий или непредсказуемой политики. Как говорится в самом начале «Нового времени не было»: «На четвертой странице моей ежедневной газеты читаю: меры, предпринимаемые над Антарктикой, в этом году не привели к положительным результатам — дыра в озоновом слое угрожающе растет. Продолжая чтение, перехожу от химиков, занимающихся проблемами высших слоев атмосферы, к генеральным директорам компаний *Autochim* и *Monsanto*, занятых реконструкцией своих конвейеров, чтобы избавиться от ни в чем не повинных хлорофлюорокарбонатов, обвиняемых в преступлениях против экосферы. Несколькими абзацами ниже речь идет о лидерах развитых стран, вмешивающихся в химию, холодильную промышленность, аэрозоли и инертный газ. Однако внизу колонки

обнаруживаю, что метеорологи больше не соглашаются с химиками, а говорят о циклических колебаниях. Теперь уже производители не знают, что им делать. Главы правительств также находятся в недоумении. Надо ли продолжать ждать? Или уже слишком поздно? А дальше — страны третьего мира и экологи добавляют свою ложку дегтя и говорят о международных договорах, правах будущих поколений, о праве на развитие и о мораториях. Таким образом, в одной и той же статье смешиваются химические и политические реакции. Одна и та же нить связывает самую эзотерическую науку и самую низменную политику, бесконечно далекое небо и завод в пригороде Лиона, глобальную опасность, ближайшие выборы или грядущий административный совет. Масштабы, ставки, сроки, акторы здесь не сопоставимы друг с другом, и тем не менее они вовлечены в одну и ту же историю».

Обычные для Латура примеры — это, во-первых, неясные причины роста озоновой дыры и вопрос о том, ведет ли увеличение озоновой дыры к глобальному потеплению; во-вторых, не выявленная до конца каузальная связь между наличием вируса HIV в крови и смертностью в результате ослабления иммунитета; в-третьих, неопределенность по поводу того, что вызывает болезнь коровьевого бешенства (некоторые ученые говорят, что это прионы, другие — что нет, и в результате в 1990-е годы Европа в массовом порядке истребляла потенциально зараженное поголовье коров, породив гекатомбы трупов. Но можно привести и знакомые россиянам примеры. Вопрос лета 2011 года, влияют ли испанские огурцы на неожиданные смерти, привел к появлению только российской продукции (и табличек, удостоверяющих это) на прилавках магазинов. Еще пример: паника вокруг птичьего, а потом свиного гриппа и неясность, мигрирует ли, например, птичий грипп из Турции в РФ, или он там другого типа и российская птица не заразится. Все это указывает на новую ситуацию: ученые часто не успевают прийти к единому суждению о том, что реально, и пока они не пришли, видно, сколько политических и социальных факторов влияют на их решения. Им звонят правители, на них давят другие разнообразные политические силы (например, профсоюзы, религиозные организации или лиги защиты животных), да и в сами научные решения встроены ненаучные или донаучные предпочтения (например, оказалось, что модель поведения овечьего стада лучше анализировать исходя из матримониальной модели и центральных для стада взаимоотношений «мать — дочь», а не модели доминирующего самца, который ведет стадо за собой, а последние 100 лет в этологии овец господствовала эта маскулинная фикция). Ледяной дождь, парализовавший Шереметьево в декабре 2010 года, проломившиеся и протекавшие под небывалым весом снега крыши в Санкт-Петербурге во время зим 2010 и 2011 годов — это следствие природных аномалий или экономических (не завезли достаточно антиобледенительной жидкости) или политических (неспособность наладить работу ЖКХ) ошибок? Дискуссии бесконечны.

В результате, по Латуру, сейчас складываются два противостоящих друг другу типа нарратива о развитии науки — два типа того, что его статья для «Вокруг света» называет «великими повествованиями». С одной стороны, есть традиционный нарратив о том, как единая для всех жителей Земли Природа (с большой буквы) все больше и лучше познается с помощью рациональных методов науки. С другой стороны, есть нарратив, что эта фикция рухнула и что в практических ситуациях, где надо быстро принимать решения по сложным технико-политическим проблемам, нельзя провести деление на объективное научное знание и на субъективные мнения политиков. И здесь появляются новые науки, которые Латур обозначает как *Humanite's Scientifiques*, естественно-гуманитарные науки.

Естественно-гуманитарные науки помнят, что еще в XVI веке не было представления о Природе (с большой буквы), якобы единой для всех землян. Такое представление появляется только позже, после всех ужасов религиозных войн в Европе конца XVI — середины XVII века, из которых надо было найти какой-либо приемлемый выход. Варфоломеевская ночь, убийство Генриха IV в 1611 году, Тридцатилетняя война 1618–1648 годов привели к тому, что, например, многие поселения Франции и до 30% населения Германии погибли от военных действий или от инфекционных заболеваний, принесенных армиями наемников, которые за деньги воевали то на стороне католиков, то на стороне протестантов. Одно политическое решение была найдено в Вестфальском мире 1648 года. Тогда религию сделали частным делом, практикуемым дома, а главной действующей единицей публичной жизни стало *nation state*, национальное государство, основанное на фикции-представлении, что нации якобы выросли из естественных родов. Задачей середины XVII в. было не допустить больше братоубийственной войны на религиозных основаниях, сделать религию частным делом каждого гражданина, зато навязать ему публичную обязанность защищать нацию или графство, определяемую теперь как естественное, природное единство — ведь мы все как нация выросли из одних предков, из одного жившего рядом рода.

Второе политическое решение было принято теми, кто стал основными героями философии и науки Нового времени. В этом тезисе Латур повторяет американского философа науки Стивена Тулмина и его книги *Cosmopolis* 1992 года. Религиозные распри убедили таких ученых, как Декарт и Лейбниц, что надо найти

абсолютно точное знание, с которым все согласятся, и не будет ситуации, когда каждый интерпретирует Библию как хочет. Разные группы интерпретаторов Библии были готовы перегрызть глотку соседней церкви или секте в борьбе за установление жизни на божьих принципах согласно единственно правильной интерпретации. А общая философская или научная истина должна была избавить от таких разногласий. Отсюда поиск непререкаемой достоверности и точности, так характерный для нововременной науки. Заглядывание внутрь себя, чтобы произнести *cogito, ergo sum*, давало достоверное суждение, понятное каждому человеку. А исследования природы, которые следовали точной последовательности шагов экспериментального метода, а потом предъявляли результаты на всеобщее обозрение, должны были дать знания о природе, по поводу которых невозможны разногласия. Природа (с большой буквы) была создана как особая сфера, требующая точного описания, и она со временем стала набором таких жестких фактов. Скептицизм Монтеня и насмешка Рабле были отброшены ради точной уверенности Декарта и уравнений Лейбница. После того как Ньютон дал общие законы механики, такое видение Природы как общей и одинаковой для всех стало естественным.

Нынешний конец Природы (с большой буквы) — это конец фикции, что можно, изучая химические и физические качества или описывая географические черты, выйти из политики. От политики не избавиться как внутри лаборатории (отсюда все жесткие споры и обиды ученых), так и вовне, где наука и природа вплетены в разнообразные гибридные ситуации. И типов таких ситуаций много. Ведь мы живем не в единообразной вселенной, а в том, что можно бы было назвать Мультиверсумом — по аналогии с Универсумом — или в Плюриверсуме, как обозначал это состояние философ прагматизма Уильям Джеймс.

Например, Латур вспоминает о дебате среди конкистадоров XVI века — есть ли душа у индейцев (и тогда к ним надо относиться как к равным христианам), или, раз они ведут себя во многом как животные, надо признать за ними лишь статус говорящих животных, то есть естественных рабов. Еще Леви-Стросс с иронией заметил, что параллельно шел и другой дебат — среди индейцев Коста-Рики: есть ли у конкистадоров тела или они, как шаманы и боги, бестелесны? То, что душа есть у всех вещей окружающей среды, само собой предполагалось анимистическим взглядом на жизнь. А вот тело, такое же, как у индейца, — есть ли оно у конкистадора? Жизнь индейцев проходила не среди единой природы, наполненной физическими телами, а в мире, наполненном духами и душами, не каждая из которых была обременена телом.

Натурализм нововременных европейцев (вера в Природу как скопление тел) и анимизм индейцев Центральной Америки (вера в наличие душ у всех существ) — это лишь два способа сведения мира воедино, две из многих возможных различных версий Плюриверсума. Ученик Леви-Стросса и профессор Коллеж де Франс Филипп Дескола, которого цитирует Латур, пишет в книге «За пределами различия природы и культуры», что он вообще выделил четыре основные версии Плюриверсума на основании того, утверждается ли схожесть между его феноменами в телесном отношении или во внутреннем мире. Упомяну все версии, так как журнал «Вокруг света» за 150 лет существования прикоснулся к каждой из них.

Итак, это анимизм, наделяющий природные существа душой и, следовательно, желаниями. Все существа поэтому схожи по своим душевным качествам, телесной однородности же у них не наблюдается. Анимизм распространен в джунглях Амазонки, у индейцев Субарктической и Центральной Америки, в Сибири, а также у различных народов Юго-Восточной Азии. Во-вторых, есть тотемизм, для которого существующее однородно как в телесных, так и в душевных характеристиках (и у птицы, и у человека обязательно есть и душа, и тело), и можно найти связки между телесным и душевным. Эта версия Плюриверсума характерна для аборигенов Австралии, а в Северной Америке прежде всего для племени оджибве, из языка которого, принадлежащего к алгонкинской группе, и взяли слово «тотем». В-третьих, Дескола выделяет аналогизм, который не считает, что либо души, либо тела обязательно присущи всем феноменам мира — у кого-то может быть только тело, у кого-то только душа. Аналогизм концентрируется на поиске параллелей или взаимосвязей между феноменами на основании отдельных пунктов их сходства. Это характерно для Китая, Древней Индии, а также он был распространен на Западе до начала Нового времени, как показал Фуко на примере средневековой эпистемы (например, в следующем поучении XV века: если вы хотите вылечить больную голову, ешьте грецкие орехи, так как они по форме аналогичны мозгу). Ну и наконец, мы дошли до натурализма, который считает, что все тела схожи по своей физической природе и различаются по тому, есть у них душа или нет; например, у животных наличие ее не допускается. Натурализм присущ только европейскому мышлению, и прежде всего начиная с XVII века.

Латур идет дальше Дескола в количестве возможных версий Плюриверсума, в которых мы можем себя найти. Для этого он прибегает к категории *Umwelt*, жизненного мира или среды обитания определенного организма, которую он берет из этологии Якоба фон Иксюля. Этот прибалтийский аристократ, закончивший свою жизнь профессором в Гамбурге и заложивший основы науки о поведении животных, также оказался востребован и

многими философами XX века — например, в феноменологии Хайдеггера или в мысли Делёза и Гваттари. Иксюль описывал, например, мир невидящего клеща, сидящего на краю травы, и реагирующего на запахи проходящих мимо млекопитающих и на температуру тела, для того чтобы удобнее забраться под кожу. Мир здесь понимается как набор ориентиров действия, и набор ориентиров этой вселенной совсем не сводим к вселенным других описанных им существ — например, морского ежа, амебы или медузы. Таких несводимых друг к другу миров обитания так же много, как и типов существ, а идея единой Вселенной — ошибочна. Но нужна человеку, писал Иксюль, так как упрощает коммуникацию.

Вселенная Ньютона, если перенести этот анализ на людей, будет отличаться от вселенной Эйнштейна не из-за приращения знания, а из-за совершенно другого Umwelt, набора осмысленных ориентиров действия. Если первый оперировал с ангелами, второй — с цифрами и схемами в патентном бюро. Ну а чтобы адекватно понять Дарвина, надо перенестись с ним на «Бигль» — только там его теория чувствует себя как в своей тарелке, вернее, на своей посудине. Все эти миры к тому же представляют различные несравнимые между собой версии Плюриверсума. (Если мир клеща отличается от мира морского ежа, то и мир Дарвина в этой концептуализации радикально отличается от мира Ньютона.) Но каждая из этих версий может стать особенно значимой и даже неизбежно центральной для нас, как только какая-нибудь научная проблема, связанная с механикой, физикой звезд или эволюцией, вдруг обернется особой заботой политиков. Пока этого нет и, например, пока физика звезд (и то, как Эйнштейн породил свои формулы, то есть в каком политическом, социальном и любовном контексте это случилось) не стала на повестку дня многих — или даже всех, как в фильме «Меланхолия», — мы можем забывать о специфичности этих версий Плюриверсума и их несводимости друг к другу. Но если многие не знают или забывают про наличие этих разных версий мироздания, некоторые могут их посетить.

Журнал «Вокруг света» появился в разгар эпохи, когда весь мир стало можно объехать, говоря словами Жюль Верна, за 80 дней. Мечта конца XVII века реализовалась в середине XIX-го — мир стал однородным, простым, доступным. Только пока еще, как казалось тогда, не до конца описанным и размеченным. Однородная и протяженная Природа лежала перед исследователями и покорителями, и журнал верно следовал своей миссии описать со временем весь свет.

Но теперь, после крушения этой фикции (Природы с большой буквы), стало ясно, что нет единого СВЕТА, а есть много миров, в которые можно поехать. И миры эти не сводятся только к четырем версиям Плюриверсума, представленным в антропологии Дескола, куда попали бы и мир индейца Коста-Рики XVI века, описанный Леви-Строссом, и мир новогвинейцев Миклухо-Маклая. Но особыми версиями Плюриверсума являются и мир современной биологической лаборатории, описанной Латуром, и мир Ньютона, Дарвина или Эйнштейна. Их чудность и чудесность будет завораживать намеревшегося отправиться туда не меньше, чем заморские путешествия XVI или XIX века завораживали первопроходцев.

Еще более радикальная поездка — в Umwelt клеща или медузы, которая ставит под вопрос не только человеческие обычаи и контрасты между культурами или научными парадигмами, но и саму границу между человеческим и нечеловеческим. Пока подобные поездки осмысливают только такие фильмы, как «Муха» Кроненберга, и то с помощью наших обычных средств репрезентации. Поездка в мушиное существование мухоподобными средствами — не для слабонервных. Такой вид туризма может превзойти все виды сегодняшнего по экстремальности.

Итак, мандат журнала может быть переопределен: не поездка ВОКРУГ единого света или мира (такое желание основывалось на идее, что он — один, и его можно объехать весь!), а погружение ВНУТРЬ еще одного мира или перескакивание МЕЖДУ мирами, которых много, и они завораживают. Вот какие перспективы открывает нам философия Латура.

Автор: Олег Хархордин © Вокруг Света НАУКА И ТЕХНИКА, МИР 👁 3402 20.11.2011, 12:26 📌 409

URL: <https://babr24.com/?ADE=99874> Bytes: 18932 / 18932 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Олег
Хархордин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)